

УДК39 (571.651)

DOI: 10.14258/nreur(2023)4–06

Ю. И. Ожередов, А. А. Ярзуткина

*Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета
им. М. К. Аммосова, Анадырь (Россия)***«ДЕРЖАТЕЛЬ СИЛЫ».
МУХОМОР В ЧУКОТСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

Работа посвящена исследованию одного из важнейших аспектов сакральной жизни малых народов Сибири — традиции употребления в пищу красных мухоморов. По результатам современных исследований обрядовое употребление мухоморов имеет очень долгую историю. Наиболее ранние упоминания относятся к ведийским временам, туда же уводят археологические источники. Арийские, а затем индоиранские племена стали носителями божественного напитка сома, главным ингредиентом которого, предположительно, являлся галлюциногенный гриб мухомор. По ведийским преданиям, напиток наделял людей невероятной силой и могуществом. На территории России в пределах Чукотского полуострова до наших дней существует уникальный археолого-этнографический комплекс, включающий наскальный изобразительный памятник Пегтымель, действующий со II тыс. до н. э., фольклорный мотив, повествующий о людях-мухоморах и действующей практике употребления грибов. На локальной территории замкнулся круг источников, подтверждающих достижение посредством употребления мухоморов или напитков, его содержащих, невероятных физических и психических возможностей. Примеры подобного рода выявлены в литературных и полевых источниках, неоспоримо подтверждающих достоверность древних преданий.

Ключевые слова: Чукотка, чукчи, наскальный изобразительный памятник Пегтымель, люди-мухоморы.

Цитирование статьи:

Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А. «Держатель силы». Мухомор в чукотской культуре // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 4. С. 84–109. DOI: 10.14258/nreur(2023)4–06.

Y. I. Ozheredov, A. A. Yarzutkina

Head of the Scientific and Educational Center of the Chukotka Branch of the NorthEastern Federal University M. K. Ammosov, Anadyr (Russia)

“HOLDER OF STRENGTH”. MUSKRAT IN CHUKOTKA CULTURE

The study focuses on one of the most important aspects of sacral life native to Siberia, which involves consumption of agaric fly. On the basis of a number of recent studies ceremonial consumption of fly agaric has a very long history. The first mention of such practices can be traced back to Vedic texts, and is also confirmed by modern archaeological materials. Aryan and later Indo-Aryan groups used *the drink of Gods, soma*, which supposedly had fly agaric as its main ingredient. According to Vedic legends the drink bestowed incredible powers and strength on practitioners. There is a unique archaeological ethnographic complex on the territory of the Chukotka Peninsula in Russia. It includes rock art monument Pegtyimel, rock art at ancient villages, mythopoetic motive that narrates the story of “fly agaric people”, and it is related to the modern practice of consuming mushrooms. Within a limited territory survived a circle of materials confirming theories about acquiring astonishing physical and psychological abilities by means of consuming fly agaric and drinks containing it. Examples of such experiences were mentioned in written materials and field research, confirming ancient legends.

Keywords: Chukotka, the Chukchi, the rock art monument Pegtyimel', fly agaric people.

For citation:

Ozheredov Y. I., Yarzutkina A. A. “Holder of strength”. Muskrat in Chukotka culture. *Nations and religions of Eurasia*. 2023. Vol. 28, No 4. P. 84–109. DOI: 10.14258/nreur(2023)4–06.

Ожередов Юрий Иванович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Чукотского филиала Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Анадырь (Россия). **Адрес для контактов:** nohoister@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4849-0745>.

Ярзуткина Анастасия Алексеевна, кандидат исторических наук, начальник научно-образовательного центра Чукотского филиала Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Анадырь (Россия). **Адрес для контактов:** jarzut@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5157-7166>.

Ozheredov Yuri Ivanovich, candidate of historical sciences, researcher at the Chukotka Branch of the North-Eastern Federal University of M. K. Ammosov, Anadyr (Russia). **Contact address:** nohoister@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4849-0745>

Yarzutkina Anastasia Alekseevna, candidate of historical sciences, Head of the Scientific and Educational Center of the Chukotka Branch North-Eastern Federal University of M. K. Ammosov, Anadyr (Russia). **Contact address:** jarzut@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5157-7166>.

Введение

Проблема употребления наркотических и галлюциногенных веществ в древних и традиционных обществах не однажды за последние десятилетия поднималась в отечественной науке. Диапазон исследований затронул представителей естественных, медицинских, социальных и гуманитарных дисциплин. Спектр поднятых вопросов варьировался от испития древними ариями легендарного напитка *сома* и воскурения стгоравших зерен конопли у скифов до поедания мухоморов народами Сибири. Перечень источников распространился от ведийских и античных нарративов до наблюдений российских научных экспедиций, отправленных на восточные окраины империи в XVIII в. Примечательно, что информационная копилка затронутой темы пополняется вплоть до наших дней.

В советское время данная тема фактически находилась под запретом, лишь археологи в силу специфики их источников были более свободны в этом вопросе. Со снятием ограничений «мухоморный» вопрос получил в постсоветский период новое «дыхание», в том числе в этнологии. Со временем археологи и этнографы объединили усилия в обобщении и анализе старых и сборе новых источников. Усилия первых сосредоточились преимущественно на исследовании наскальных памятников, несущих изображения «грибовидных» антропоморфов, открытых в Центральной Азии, Южной и Северо-Восточной Сибири, а также в ряде зарубежных регионов земного шара. Ближайшим к нашим границам регионом — носителем «мухоморной» тематики — является Монголия, на скалах которой зафиксировано большое число антропоморфов с грибовидными головами [Дэвлет, 2009: 139–149; Кубарев, 2005: 172–175]. Привлекательными в этой части оказались районы Северной Африки и Мезоамерики [Бонгард-Левин, Грантовский, 2001: 1; Бутьян, 2003: 56–58; Диков, 1971; Дэвлет, 1975: 238–248; 1976: 115–123; 2009: 139–149; 2011: 269–282; 2013: 469–480; 2014: 20–27; Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А., 2005: 186–20; Кирьяк (Дикова), 2012: 70–72]. Одновременно по нарастающей пошли исследования в этнографии, особенно заметно это стало с начала нулевых [Андреева, 2010: 90–92; Батянова, Бронштейн, 2016: 48; Вишневецкий, 2021: 143–160; Головнев, 2000: 43; Горбачева, 2004: 45–46, 51, 62, 93; Гурвич, 2004: 157; Диксон, 2005; «Грибные» люди Севера...].

Предваряя основную часть исследования, упомянем, что дискуссия, развернувшаяся по «мухоморному» вопросу в отечественной литературе, опирается преимущественно на сибирские материалы¹ и в меньшей доле на зарубежные, представленные каменной пластикой [Кирьяк (Дикова), 2012: 70–73]. Впервые зарубежные образцы в качестве аналогий сибирским изображениям использовал Н. Н. Диков в своем монографическом исследовании, посвященном петроглифам Петгымеля, где автором упоминается тридцать четыре грибовидных антропоморфа, названные «пляшущие мухоморы». Ученый использовал каменные фигурки древней культуры майя (500–200 лет до н. э.) [Диков, 1971: 23–27, рис. 19–23]. Позже к зарубежным аналогиям обратилась М. А. Кирьяк (Дикова), добавившая к известному ряду петроглифы из североафриканского Тассили-

¹ Пространную справку о грибовидных изображениях на территории Сибири дают, например, М. А. Кирьяк (Дикова) [2012: 69–73] и коллектив авторов [Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А., 2005].

Аджера [Кирияк (Дикова), 2003: 231, рис 106; 2012: 70–73, рис. 55, 56]. Несколько позже, но очень активно данную тему начала разрабатывать Е. Г. Дэвлет [2014].

*Рис. 1. Композиция с людьми-мухоморами на скалах реки Пегтымель.
Женские образы. Чукотка*

*Fig. 1. Composition with fly agaric people on the rocks of the Pegtymel river.
Female images. Chukotka*

Не вдаваясь в детали диспута, упомянем отдельные его аспекты, в той или иной мере касающиеся настоящего исследования. Письменные и фольклорные источники XVIII–XIX вв. донесли до европейского читателя известия с восточных и северных окраин Российской империи об употреблении в пищу мухоморов, дающих реакцию, внешне напоминающую алкогольную. Минуло почти два столетия, прежде чем к этим сведениям добавилось научное открытие, ставшее иллюстрацией к предшествующим наблюдениям.

В 1971 г. магаданский археолог Н. Н. Диков опубликовал петроглифы реки Пегтымель (Чукотский полуостров), среди которых присутствовали изображения «антропоморфов с грибовидными» головами и мифологическими персонажами, «людьми-мухоморами» из чукотских преданий [Диков 1971: 23, 34, 24, 42–44, рис. 19–21].

Параллельно с чукотской линией развития мухоморная тема приобрела информационный срез в изобразительном искусстве Средней и Южной Сибири и прилегающих территорий Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Монголия) [Бутьян, 2003: 56–58; Дэвлет, 2009: 139–149; Кубарев, 2005: 172–175]. К примеру, на скальная фигурка лучника — охотника на горных козлов — была зафиксирована Ю. И. Ожередовым в Западной Монголии на вершине знаменитой скалы Хар-Хад, несущей изображения ранне-средневековых катафрактариев [Ожередов, Мунхбаяр, Ожередова, 20011: 104; Ожередов, 2014: 64].

Рис. 2. Сцена охоты «гриболового» лучника на горных козлов. Гора Хар-Хад, Эрдэнэ Бурэн сумон Ховдского аймака Западной Монголии.

Фото Ю. И. Ожередова. 2008

Fig. 2. The scene of the "mushroom-headed" archer hunting mountain goats. Mount Har-Had. Erdene Buren sumon of the Khovda aimag of Western Mongolia.

Photo by Yu. I. Ozheredova. 2008

Рис. 3. Миколентная копия сцены охоты «грибоголового» лучника на горных козлов. Гора Хар-Хад. Эрдэнэ Бурэн сумон Ховдского аймака Западной Монголии. Выполнена Ю. И. Ожередовым. 2008

Fig. 3 A micro-tape copy of the hunting scene of the "mushroom-headed" archer on mountain goats. Mount Har-Had. Erdene Buren sumon of the Khovda aimag of Western Mongolia. Performed by Yu. I. Ozheredovym. 2008

Другой образец культа гриба изучен тем же автором в одной из долин Монгольского Алтая. Здесь находится огромный каменный гриб природного происхождения, ставший предметом религиозного поклонения монгольских урянхайцев, населяющих данную территорию.

Рис. 4. Каменный гриб. Дут сумон Ховдского аймака Западной Монголии.
Фото Ю. И. Ожередова. 2001

Fig. 4. Stone mushroom. Dut sumon of Khovd aimag of Western Mongolia.
Photo by Yu. I. Ozheredova. 2001.

Изображения воинов с грибообразными головами стало одним из актуальных аспектов первобытного искусства, демонстрирующих образы антропоморфов с головами, живо напоминающими шляпки грибов. В спектре новых вопросов проявилась тема легендарного индоарийского «напитка бессмертия», именуемого в ведийских источниках «сома» и наделенного особыми чудодейственными свойствами, одно из которых относится к сфере нашего интереса.

Древние индийцы и иранцы верили, что этот напиток давал богам и людям «необъятную силу и могущество» [Бонгард-Левин, Грантовский, 2001: 118–119]. Попытки раскрытия рецепта сомы ведутся уже несколько столетий и не достигли успеха. В литературе рассматривается несколько вариантов приготовления сомы, в каждом из которых решающий ингредиент преподносятся эфедра, вереск, молочай, конопля и, наконец, красный мухомор, произрастающий на всех континентах земного шара, исключая Антарктиду. Однако ряд известных исследователей аргументированно доказывают несостоятельность идеи, возводящей мухомор в разряд основополагающего ингредиента легендарного напитка сома, поэтому оставим эту тему за пределами нашего исследования, нацеленного на другие задачи. Кроме того, никто не отменял и не опровергал роль мухомора в истории народов, употреблявших его в пищу в прошлом и настоящем.

Наиболее ярким тому свидетельством считается употребление мухоморов неустрашимыми и яростными нормандскими воинами берсерками. Довольно обширный круг старых и современных исследователей сходится во мнении, что бойцы, «теряющие» в бою голову, перед схваткой принимали мухоморы. Глухие упоминания о северных разбойниках, которые едят мухоморы перед нападениями, имеются в русском фольклоре. В этнографически фиксируемые времена мухоморы употребляли хантыйские

и мансийские воины-маргиналы, русские казаки. В стремлении набраться сил и придушить совесть они перед очередным разбоем наедались «веселящих» грибов. Наряду с отрицательными героями, мухомор употребляли былинные богатыри — люди, которые и без того отличались силой и отвагой. Предания рассказывают, как за счет ферментов, содержащихся в грибах, люди уподоблялись богам или духам. Воины обрели одержимость, не чувствовали боли от ран и не ведали страха и усталости в многочасовой рубке. Угры считали, что мухомор придает храбрости до безрассудства. И особенно любопытно, что источник подчеркивал, когда битва была выиграна, воины падали без сил и погружались в глубокий сон. То же самое происходит с современными потребителями мухоморов [Берсерк <https://ru.wikipedia.org/wiki/>; Симченко, 1993: 60; Howard D. Fabing, 1952: 232]. По данным А. К. Нефёдкина, не пренебрегали мухоморами и легендарные чукотские воины, запроваждавшие энергию грибов перед изнуряющими сражениями [Нефёдкин, 2003: 206–207].

По мнению А. В. Шаповалова, сославшегося на материалы В. М. Кулемзина, употребление мухоморов на севере Западной Сибири обусловлено шаманской лечебной практикой, где все участники употребляют грибы². К. Н. Андреева, видимо, опираясь на данные К. Доннера, замысловато написала: «На Кети шаман перед камланием не съедает пару мухоморов, в отличие от других мест... Иногда аборигены применяли данный способ, чтобы напиться в отсутствии алкоголя» [Андреева, 2010: 91]. Последнее замечание согласуется с выводом А. В. Шаповалова, отметившего, что в Северо-Восточной Сибири, в отличие от Западной Сибири, мухомороядение носит бытовой характер, обусловленный тягой к мухоморному «опьянению» [Шаповалов, 2003: 139–144]. В данном ключе прозвучала информация Н. Г. Тучковой, по сведениям которой «селькупы отлично знали галлюциногенное свойство мухомора...; известно изготовление настойки мухомора на спирту (одеколоне), иногда с добавлением можжевельника» [Тучкова, 2005: 349].

Относительно позиции в адрес западносибирских шаманов следует привести мнение крупнейшего специалиста в области сибирского шаманства Ю. Б. Симченко, изучившего данный вопрос непосредственно в этнической среде ряда северных народов и знакомого с «мухоморной» темой не понаслышке [Симченко, 1993: 53–64]. В главе под названием «Шаманский народ — мухоморы»³ автор пишет: «Мухомор никогда не был средством для шаманов. Он никогда не был шаманским средством для общения с духами. И хантыйские шаманы, и самоедские шаманы, и юкагирские шаманы, и чукотские шаманы, и корякские шаманы, с которыми мне довелось дружить, в один голос утверждали, что мухомор — средство для того, чтобы простой человек, не шаман получил шанс пообщаться с иным миром через посредника — мухомора, который, якобы, гриб, а не совсем гриб, и вроде бы человек, хотя не человек. Если человек-шаман — это заботящийся о своих близких кровниках, то мухомор — шаман для всех. Мухомор —

² Необходимо заметить, что у В. М. Кулемзина рассказ о хантыйском «*исылта-ку* (фокусник и лекарь)», не обладавшем компетенцией и возможностями «большого» шамана. Подобные «недошаманы», словами Ю. Б. Симченко, встречались ему и в других местах, например, у чукчей [Симченко, 1993: 88–90].

³ В тексте, очевидно, опечатка, так как в оригинале слово народ в множественном числе — «Шаманский народы — мухоморы», что ни в коем виде не меняет смысла исследования.

это шаман для всех». Здесь не лишне привести глубокомысленную фразу из чукотского лексикона: «Собаки мухоморы не едят, они без него шаманы...». Специалисты определенно знают, что настоящему шаману достает собственных внутренних сил для общения с потусторонними мирами и их обитателями [Симченко, 1993: 64, 145, 175]. Помощь в проникновении в иные миры требуется обычным людям. В подтверждение ученый показывает примеры того, как рядовые чукчи навещают родственников «на том свете» с помощью людей-мухоморов, являющихся после употребления грибов [Симченко, 1993: 150–151]. Современные полевые материалы позволяют уточнить данную информацию, о чем будет сказано ниже.

На территории России зона традиционного употребления мухоморов растянулась полосой по приполярной тундре и северной тайге от Западной Сибири до мыса Дежнева. Однако лидирующее число свидетельств употребления мухоморов приходится, как прежде, так и в особенности теперь, на Северо-Восточный регион. Сегодня это Чукотка и север Камчатки, населенные оленеводами и охотниками на морского зверя, преимущественно коряками и чукчами [Бонгард-Левин, Грантовский, 2001: 120; Симченко, 1993: 61–63]. Именно у последних здесь обнаруживается комплекс источников, синкретически связанных в единую повествовательную канву, протянувшуюся от эпохи неолита до современности. На данном пространстве на протяжении нескольких тысячелетий археологические, фольклорно-этнографические и лингвистические материалы образовали комплекс источников, способный дать ответы на многие вопросы, связанные с употреблением мухоморов. Определяющим фактором его глубины и достоверности является историко-этнокультурная преемственность нескольких палеоазиатских этносов, длительное время проживающих в условиях локальной территории, довольно плотно изолированной от внешней среды и ее воздействий.

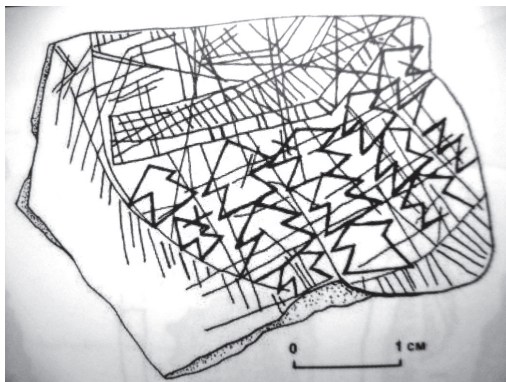

Рис. 5. Граффити с грибным орнаментом. Стоянка. Раучувагытгын I. Чукотка [Кирьяк (Дикова), 2012: рис. 24]

Fig. 5. Graffiti with a modest ornament. Parking lot. Rauchuvagytgyn I. Chukot. Kiryakova (Dikova). 2012: fig. 24

Ранний период истории «чукотского мухомора» освещают археологические памятники Чукотки второго тысячелетия до новой эры, сохранившиеся в виде наскальных

изображений (петроглифы) на реке Пегтымель и резных граффити на камнях со стоянок Раучувагыттын I и Тытыль V [Диков, 1971: 23–24; Кирьяк (Дикова), 2012: 69; 2003: 173, рис. 52, 53, 95].

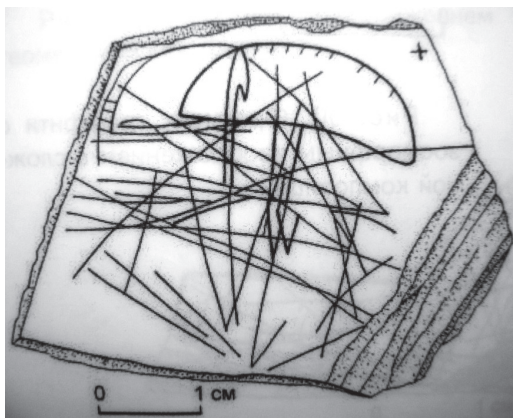

Рис. 6. Резное изображение гриба на камне.

Стоянка Тытыль V [Кирьяк (Дикова), 2012: рис. 53]

Fig. 6. Carved image of a mushroom on a stone. Parking Tytyl V [Kiryak (Dikova). 2012: fig. 53]

В этнографическое время «мухоморядение» особенно явственно открылось науке в среде северных оленеводов. При этом увлечение грибами одинаково сильно обнаружилось как у людей, так и у оленей. Последние не просто любят грибы [Богораз, 2016: 14], «олени от грибов дуреют». По словам оленевода-информанта: «Олень от гриба буквально теряет голову и несется за ним, ничего не замечая вокруг». Поэтому при перекочевке в «грибную пору» пастухи со стадами вынуждены далеко обходить грибные места. Иначе, отведав мухоморов, одуревшие олени разобьют стадо и разбредутся по тундре. Собрать их вместе будет уже непросто. Олени «коллективные» животные, поэтому в обычной обстановке, пользуясь стадным инстинктом, даже несколько пастухов могут управлять многотысячным табуном. Отведав мухоморов, олени теряют природное чувство и разбредаются по сторонам. В лучшем случае они прибиваются к диким собратьям, в худшем, как говорят пастухи, — «их будут пасти волки» пока не порежут на пропитание [Богораз, 2016: 19, 20; Симченко, 1993: 41–43, 53–64].

Как показывает практика, мясо «омухоморенных» оленей желают не только волки, но и люди. Также они вожделяют омухоморенной мочи соплеменников. Еще в XVIII в., описывая культуру коряков, Я. И. Линденау отметил: «Мухомор у коряков — угощение богачей, бедные же довольствуются мочой последних; когда такой опьяневший от мухомора мочится, то к нему сбегаются многие и, выпив его мочи, пьянеют еще больше, чем сам наевшийся мухоморов [Линденау, 1983: 105]. Магаданский нарколог Е. А. Брюн писал: «Я видел людей, употреблявших мухоморы — местные жители... Они едят их в порошке, толкут сушеные, а затем добавляют в пищу. Потом еще едят мясо оленей, которые наелись мухоморов, пьют мочу жен, сначала жены едят, а потом муж пьет их мочу» [Диксон, 2005: 99].

Рис. 7. «Грибное место» в чукотской тундре. Фото А. А. Ярзуткиной. 2012

Fig. 7. "Mushroom place" in the Chukchi tundra. Chukotka. Photo by A. A. Yartzutkina. 2012

Зарегистрированы и прямо противоположные сведения, когда жена понуждала мужа принимать мухоморы, а затем напивалась его мочой [Симченко, 1993: 123–124]. В свою очередь Я. И. Линденау отметил: «Так, чукчи точно так же сжигают своих покойников, едят мухомор и пьют испускаемую после его употребления мочу» [Гордеева, 2017: 159]. Следует отметить, что олени тоже любят пить человеческую мочу, а люди зная это, используют данное пристрастие для приручения животных [Богораз, 1991: 26].

Обсуждение проблемы исследования

В литературе много внимания уделяется необыкновенным качествам и свойствам мухоморов. По представлениям чукчей, грибы, персонифицированные в людей-мухоморов, очень сильны, и когда растут, то прорывают своими крепкими головами корни деревьев и рассекают их надвое. Они прорастают сквозь камни и раздробляют их на мелкие куски [Симченко, 1993: 50; Шаповалов, 2003: 143]. Соответственно, употребляя мухомор, люди символически уподобляются им самим, приобретая их магическую силу и энергию. Рассказывают, что чукчи умеют «собирать» сон по кусочкам, запасая энергией и рационально ее используя [Головнёв, Куканов, Перевалова, 2018: 66]. При этом на протяжении долгой истории чукчи научились искусно заряжаться энергией (силой), аккумулированной в мухоморах⁴. В зависимости от потребности и инди-

⁴ Ключевыми источниками данной работы являются полевые этнографические материалы, полученные путем включенного наблюдения и опросов коренных жителей Чукотки. Исследования проводились в восьми селах Чукотского автономного округа в 2011–2020 гг. Тема мухоморов и представления о традициях его употребления обсуждалась в 42-х интервью с мужчинами и женщинами в возрасте 34–72 лет. Были проведены беседы с тремя непосредственными потребителями мухомора и коренными жителями (8 человек), пробовавшими в своей жизни мухоморы. Остальные информанты рассказывали об опыте употребления мухоморов родственниками или делились своими знаниями о традициях и поверьях чукчей, связанных с мухоморами. Необходимо отметить, что не все люди, употребляющие мухоморы, раскрывали этот факт. Некоторые сетовали, что информация об употреблении чукчами мухоморов может быть искажена, и неохотно говорили на эту тему. В отдельных случаях применялись чувствительные методы сбора информации, переключением на вопросы связи человека с природой, представлениях о внутреннем состоянии человека или традиционном врачевании. Особую ценность представляет собой информация Владимира Михайловича Етынкеу, жителя села Алякватвама Чукотского АО [ПМА. Ярзуткина].

видуальных свойств организма они выделяют несколько разновидностей употребления мухоморов. При этом для разных типов воздействия использовали разные части гриба и применяли свои способы его приготовления и применения. В основу рецептуры был положен древнейший принцип медитативной магии «подобное подобно», основанный на ассоциативной идентичности тела человека и человека-мухомора, персонифицирующего гриб в антропоморфную форму-состояние. Шляпка мухомора отождествляется с головой, а далее все в антропологическом порядке, но прежде всего семиотически уравниваются ноги человека и ножки грибов. Туловище присутствует в неявной имплицитной форме, как некий переходный элемент уравнивания между головой и ногами. Через данные отождествления открываются представления чукчей о единстве тела в эмоционально-психологической и духовной составляющей человека.

На фоне массы актуальных аспектов, существующих в обозначенной теме, настоящее исследование затрагивает лишь один немаловажный вопрос, открывающий, на наш взгляд, путь для понимания, может быть, одной из главных причин многовекового пристрастия аборигенов Сибири к употреблению мухоморов.

Чукотская мифопоэтическая традиция сохранила сведения об истоках знаний, открытых в ходе тысячелетних наблюдениях людей за живой природой. Фольклорный нарратив повествует, что первопродки, приручившие оленей, в свое время заметили как «старые и больные дикие олени стремительно бегут, чтобы отвесть мухоморы. Спустя некоторое время после трапезы они..., словно хотят догнать ветер, успевая на бегу отвесть другие белые грибы, подберезовики, белый гриб. Старые олени не отстают от молодых, после обильного грибного дня олени крепко спят. А пока стоит лето, олени стараются поесть побольше коричневых мухоморов...». Но на оленях история не заканчивается, далее предание повествует следующее: «А старые больные медведи тоже едят коричневые маленькие мухоморы. Им тоже нужна энергия двигаться, чтобы прокормиться, а если имеется рана, то он тоже ищет мухоморы». Таким образом, фаунистическая мухоморная традиция имела пояснение, согласно которому животные ели грибы не для удовольствия, а для восстановления здоровья и поддержания энергетического тонуса организма на функциональном уровне. Согласно рассказу, для того чтобы убедиться в правильности наблюдений, люди решили на себе испытать действие гриба, и по истечению нескольких лет опытов был найден действенный способ применения мухомора [Годовых и др., 2005: 136].

При изучении форм воздействия красного мухомора на психику человека исследователь О. В. Гордеева собрала представительный корпус информации, в том числе и касающийся темы настоящей статьи. По ее данным, первые сведения о «мухомороядении» в Сибири были собраны участниками академической экспедиции в XVIII в. К примеру С. П. Крашенинников писал, что русские казаки, «перенявшие от ительменов обычай употребления мухоморов», применяли их «умеренно, когда... в дальний путь идти надлежало», что позволяло проходить «знатное расстояние без всякого устатку» [Гордеева, 2017: 159].

Столетием позже аналогичные сведения собрал В. Г. Богораз, отметивший, что «некоторые охотники на оленей по Среднему Анадырю перед началом охоты употребляют мухомор для приобретения большей ловкости и проворства». Мухомор красный применялся

«при преследовании животных на каноэ, работе во время сенокоса, перемещению лодок на веревках и тяжелых грузов на дальние расстояния, долгий путь. При этом информанты считали, что осуществляемая в данном состоянии работа не причиняет вреда здоровью: «В сборе урожая сена я могу делать работу трех человек с утра до сумерек без каких-либо проблем»; «Старуха пробегает 30 км и не умирает»; «Под влиянием гриба пустяк пройти пешком 50 км». Сходные примеры физической выносливости у хантов приводили С. К. Патканов, И. Г. Георги, М. Саар и другие исследователи и наблюдатели [Гордеева, 2017: 159].

Полновесным дополнением к существующим литературным источникам стали полевые сборы А. А. Ярзуткиной, проведенные в 2011–2020 гг. и уверенно коррелирующие с вышеприведенными материалами, позволяя тем самым вывести изучаемую проблему на уровень современного состояния «мухоморного» вопроса в культуре чукотского этноса.

О мотивации употребления мухоморов и об отношении к ним

Одну из мотиваций употребления мухоморов в чукотской бытовой практике объясняет слово *гыткатык*, буквально «поставить себе ноги»⁵. Достигнуть состояния *гыткатык*, обрести легкую походку и избежать усталости в пути можно употребив перед дальней дорогой ножки мухомора. Количестве долек (частей), необходимое, чтобы «не чувствовать ног», варьируется, единственно сохраняя связь ног человека и ножек мухоморов. «Перед дальней дорогой путник употреблял нечётное количество ножек мухомора, одну или три, но не более. Ели не всю ножку. Срезали комлевую, срединную, а также верхнюю часть ножки, которая крепится к шляпке гриба» [ПМА, Етынкеу].

При объяснении сути проблемы информанты подчеркивают несколько существенных деталей. Характер взятой от грибов энергии различается в зависимости от целого набора обстоятельств: 1) кто именно собирал грибы (энергия и тело гриба и человека, который его собрал, всегда взаимосвязаны между собой). Мухомор давал ту энергию, которая была свойственна собирателю, человеку-посреднику. В момент обречения гриба последний перенимал определенные свойства характера человека. Поэтому покупка мухомора или прием его от постороннего несли в себе некоторую неосознанную опасность; 2) имело значение, как происходил сбор грибов и какие особенности его сопровождали. Важным являлось знание собственного организма и интуитивная связь тела человека и тела мухомора. Из этого выстраивалась некая система примет, по которым предсказывались эффекты от употребления. По вопросу особенностей сбора мухоморов Ю. Б. Симченко дает красочное описание процедуры, выполненной его чукотским спутником и информантом молодым оленеводом Ракаквыргыном. Во время одного из чукотских маршрутов, словами последнего его «позвал» «*хвапак*», точнее, целая семья из пяти грибов. «Еттык, хвапак! Здорово мухомор... Это ты меня позвал со своей родней!». Почтительное отношение к мухомору издревле было неукоснительным правилом, распространявшимся на этикет общения и процедуру изъятия из земли. При раскопке нельзя испортить не только корешки, но даже ни одного волоска. «Нельзя стряхивать землю, хвапак сердиться будет и сделает неприятность тому

⁵ Информация Етынкеу Владимира Михайловича, жителя села Аькатваам Чукотского АО.

кто его съест, нельзя прерываться, не закончив раскопку, хватая убежит. Тело в руках останется, а душа убежит, а может быть тело убежит» [Симченко, 1993: 39–45].

Симпатическая магия очень плотно вплетена в мировоззрение чукчей. Принцип «подобное производит подобное» очень силен и проявляется не только в бытовых обычаях, но и в ритуальной сфере, заметно превосходящей в этой части утилитарную повседневность.

Понятие *vitality* по-чукотски

Вполне очевидно, что состояния активности и энергичности сложно измерить: индивидуальные особенности человека и условия, в которых он эти состояния испытывает, не позволяют дать какого-то универсального определения. Наличие у человека физической и умственной энергии, энтузиазма и живости в определенный момент, в зарубежной психологии определяется очень содержательным, но при этом многозначным понятием *vitality* [Ryan., Weinstein, Bernstein J...2010: 159–168; Ryan, Deci, 2008: 702–717].

При этом наличие активности и жизнеспособности (*vitality*) связывается с показателями физического и психического здоровья⁶ [Маслов, <https://youtu.be/pM2uH7rly68>], так как часто вполне здоровые люди чувствуют усталость. Как справедливо отмечено медиками, продажа и потребление огромного количества кофе свидетельствует, что люди не чувствуют себя настолько энергичными, как им хотелось бы. Поэтому для обретения бодрости они массово употребляют тонизирующие вещества. Такие, к примеру, как кофеин [Lambert, Gwinn, Fincham, 307–314].

В приполярной реальности таким энергетиком стал мухомор. Е. П. Батьянова, опираясь на полевые материалы, собранные на Чукотке в 1999 г., писала, что коренные жители употребляют мухомор в пищу для поднятия жизненного тонуса, отправляясь в длительный пеший переход, «перед тем, как идти в тундру за ягодой или дрова собирать», «чтобы легче было работать», а пастухи-оленоводы употребляют мухомор для того, «чтобы быстрее бегать за оленями» [Батьянов, Бранштейн, 2016: 48]. К примеру, Андрей Головнев писал в своем эссе: «Как-то провожая меня в тяжелый пеший переход по горам, один из стариков советовал: «Найдешь вапак, проглоти — не заметишь, как дойдешь». В подтверждение этих слов ему рассказывали об анадырских чукчах, глотавших *вапак* перед началом охоты на оленей [Головнев, 2000: 43, 47]. Его слова подтверждают свидетельства информантов, сообщавших о том, что употребление мухомора имело, наряду с прочим, утилитарно-прагматическое назначение в виде получения дополнительной энергии, необходимой для работы, требующей существенно физического усилия.

Ю. Б. Симченко на основе собственных натуральных наблюдений отметил, что «мухомор придает необычные силы людям совсем не сильным». Ученый рассказал такой случай: «старушка Тненеут узнала в больнице, что у нее родился внук»... По чукотским правилам, она должна была известить мужа и сына, которые «находились в оле-

⁶ В восточной медицине залогом здоровья и активности является гармония «ци» — обычно переводится как «энергия» — универсальное начало (осмысляется квазиматериальной субстанцией, которая формирует целый мир: и человека, и все, что его окружает); «цзин», человеческое начало, букв. «семья», питывает и порождает индивида; «шень» — тело, телесная оболочка, то, что исчезнет после физической смерти человека.

неводческой бригаде километрах в сорока от поселка». Отважная женщина, которой было уже за шестьдесят, переделалась в поношенную нежаркую одежду, «приняла мухоморчик» и ударилась бежать по прямой, сквозь ледяные переправы, кочкарные равнины и глубокие снега. Когда через несколько часов автор рассказа транспортом прибыл в ту же бригаду, «то застал ее в отличной форме». Как говорят чукчи, «в сухой одежде... Мухомор притащил — заявила старушка лукаво». В другом случае молодой парень Яша Чейвилькут, вкусив впервые мухомора, нарубил и притащил огромные вязанки тальника, бегом утащил санки с непосильным для обычного состояния грузом, перетащил тяжеленный камень, которые поднимали лишь легендарные силачи» [Симченко, 1993: 57–58].

Существительное *тэткэюн* в чукотском языке имеет основу *тэм* (*taet*), от которой также образован глагол *taetyrkyn* — быстро что-нибудь делает, постоянно что-нибудь делает [Венстен; Богораз, 2011: 145]. Этот термин характеризует не жизненность в глобальном смысле, а именно активность, энергию, ресурсы и силы, необходимые для выполнения какого-то определенного действия⁷ [Ранаврольтын, 2005: 80, 124].

В этнографии понятие «жизненная энергия», «жизненная сила» как стабильные характеристики человека получили намного большее внимание исследователей, чем ситуативное включение у человека энергии и бодрости⁸.

На самом деле мухоморы употребляли чаще всего старики, т. е. люди, у которых физическая активность в силу возраста была понижена, а с помощью психотропного вещества энергия для полноценной жизнедеятельности эффективно восполнялась. Информант рассказывал следующее:

Информант: А старики... сухие [мухоморы], жуют, жуют. И могут целый день идти без отдыха. Это сильный стимулятор, энерго...

Автор: Везде пишут, что мухоморы вызывают галлюцинации.

Информант: Для энергии едят. Чтобы восполнять затрачиваемую энергию.

Автор: А как по-чукотски эта «энергия»?

Информант: Тэткэюн [ПМА, ж-1955, Антонина, чукчанка (2018)].

Также мы имеем свидетельства употребления мухоморов мужчинами — охотниками и оленеводами, которым требовалась дополнительная энергия для выполнения сверхсложной работы. В. Г. Богораз писал, что некоторые охотники на оленей по Среднему Анадырю перед началом охоты употребляли мухомор для приобретения большей ловкости и проворства [Богораз, 2011: 139–140]. По словам А. Головнева, его собеседник чукча Наталько с гордостью вспоминал о сверхъестественной силе «погруженных» (употребивших мухоморы) пастухов, «о легкости, с которой они ловили оленей короткими арканами или просто руками» [Головнев, 2000: 45].

⁷ В чукотском языке есть понятие *увирит* (сущ.) в значении душа, а также *к'элелвы-н* (сущ.) — душа; внутреннее состояние человека; внутренность [Ранаврольтын, 2005: 124], а также понятие *вагыргын* (сущ.) — жизнь, бытие, образ жизни, обычай, мир.

⁸ В основном жизненную энергию связывали с наличием «души». По словам Анны Сириной, в отечественном сибиреведении сложилась тенденция не применять термин «душа», а употреблять понятия «жизнь», «жизненность», «жизненные силы» и др. [Сирина, 2012: 155].

В последнее время у чукчей перестали быть значимыми гендерные ограничения, которые, вероятно, существовали в прошлом. Григорий Тынанкергав написал, что мухоморы употребляли всегда только мужчины, и он никогда не видел, чтобы это делали женщины [Тынанкергав, 2017: 51–52]. И это становится понятным в условиях, когда иное распределение хозяйственной нагрузки, случившееся в последние десятилетия в стационарных поселениях, уравнило чукотских мужчин и женщин. Например, в одном из сел, где природные условия позволяют культивирование корнеплодов в открытом грунте, многие бывшие оленеводы занялись выращиванием картофеля и других овощей. Этот новый для них вид деятельности потребовал больших энергозатрат, что, в свою очередь, инициировало ocasionальное употребление мухоморов при посадке, прополке и выкапывании картофеля и стало обычной практикой в этом селе. Там говорят: «Я очень редко [ем мухоморы] ... ну, вот бывает вскопать надо. В прошлом году пропалывать, а у меня сил нет, и так не хотелось... ну, я съела [мухоморы] ... потом даже не заметила, чистые кустики [картофеля] стояли» [ПМА, ж-1953, Галина, чукчанка (2019)]. Другая женщина рассказывает: «Моя мама ела мухоморы перед уборкой картошки, чтобы энергии хватило на целый день уборки. И не уставала» [ПМА, ж-1979, Ирина, чукчанка (2019)]. Привлечение новых адептов к числу потребителей мухоморов, спровоцированное новой формой хозяйственной деятельности, указывает на появление свежего контингента вольных или невольных приверженцев. Это неожиданное явление социокультурной жизни, требующее особого внимания и изучения.

Некоторые способы употребления мухоморов и их энергетика

Чукчам известно несколько разных, даже в каком-то смысле несхожих технологий приготовления мухоморов (*хванак*). Самые распространенные из них ограничиваются двумя вариантами. Согласно первому рецепту требуется заранее подготовить три мухомора: большой (старый), средний и совсем маленький (еще не раскрывшийся — *цацакыт*). По силе воздействия — самый маленький обладал наибольшей силой, поэтому начинали с большого, затем переходили к среднему, а в завершение употребляли маленький. Все грибы нарезали мелкими кусочками и постепенно съедали. При этом можно было перейти к среднему, не съев полностью самый большой экземпляр. Грибы употребляли последовательно в течение дня, предшествующего дате намеченного события (мероприятия), требовавшего дополнительной энергии.

Второй рецепт предполагал приготовление мухомора в отваре голубики. Около одного литра ягод ставили на огонь и нагревали до состояния компота. После закипания бросали в полученный раствор маленький мухомор (*цацакыт*) или половинку большого и снимали с огня. Далее давали напитку настояться и остыть. Затем выпивали стакан готовой жидкости. Обычно такой напиток употребляют перед перегоним оленей, когда пастухам требуется без усталости бежать за табунами весь световой день.

Вместе с тем осмысление чукчами внутренней энергии-силы-бодрости не сводилось только к физической активности. Вернее, последняя не рассматривалась сама по себе в отрыве от психической и духовной составляющей. Это единство сравнимо с понятием «продуктивной (спонтанной) активности», которое Э. Фромм определил как творческое действие, особое состояние внутренней активности, «которая может проявлять-

ся в эмоциональной, интеллектуальной и чувственной жизни человека, а также и в его воле» [Фромм, 1990: 262].

Согласно выводам О. В. Гордеевой, сославшейся на наблюдения В. И. Иохельсона, психическое состояние человека, получившего энергетический всплеск после принятия мухомора, соответствует второму уровню активации, характеризуемому на фазе возбуждения вспышками вдохновения и стимуляцией организма. Этот период отличается «поднятием жизненного тонуса, предупреждение или снятие утомления, повышение физической выносливости и силы, улучшение координации движений. Исполнители народного эпоса в этой фазе отмечают красноречием и неутомимостью, а простые люди, как уже говорилось, необыкновенными физическими качествами» [Гордеева, 2019: 159].

И здесь мы вновь должны вернуться к чукотским шаманам, которые, как было сказано выше, не нуждаются в мухоморах, так как их внутренний ресурс и без того достаточно высок. Однако, по полевым данным А. А. Ярзуткиной, в отдельных случаях шаману (чук. *эн'эн'ыльын*) для совершения исцеления или других действий требовалась энергия, превосходящая объем, заложенный в него от природы. Вопреки обычной «безмухоморной практике», употребление мухомора в определенный момент способствовало аккумуляции энергии для повышения функциональных возможностей. Взаимодействие с духами и распознавание болезни являлось повседневной работой шамана, с которой он справлялся в обычном режиме. Но в особых обстоятельствах употребление мухоморов способствовало не столько вхождению в транс, сколько служило дополнительной энергетической зарядкой, необходимой для совершения сложного и многокомпонентного процесса камлания/исцеления. В таком случае мухоморы предоставляли дополнительную внутреннюю энергию, обусловленную дополнительными физическими, психическими, духовными затратами, т. е. служили средством для поднятия дополнительной активности.

Быть *vitality* в чукотском обществе — обычное состояние жизни, при котором энергия всячески бережется и сохраняется. У людей существует понимание, что она иссякаема, а ее недостаток в существующих природно-климатических условиях может в определенный момент стать угрозой для человеческой жизни. Отсутствие энергии не рассматривается чукчами в виде болезни, но оно мешает выполнению повседневных задач, мешает ведению хозяйства. В условиях Чукотки это может представлять опасность для жизни. Поэтому мухомор служит в ситуациях, когда энергии нужно больше, чем дает организм. Отсюда и шаман употреблял его только в критических случаях, когда ресурсозатратный процесс камлания требовал дополнительных сил.

Способы и дозы пополнения и сохранения энергии — это индивидуальные траектории, которые человек сам выбирает в зависимости от того, чего он хотел достичь. И это вполне осознанное поведение, не связанное с опьянением как таковым. Побудительная цель в этом случае — не опьянеть, а получить дополнительную энергию, расслабиться психологически. Будь это иначе, сейчас бы «мухоморили» точно также, как пьют спиртное. Вместо этого формы употребления и воззрение, касающиеся «мухомороядения», демонстрируют идейные установки, характеризующие представления о телесности и функциональной связи с природой. Мировоззренческая структура, где

мы находим сегодня место мухомора, напрямую связана с представлением о единстве в осознании — человек-природа-духи.

Обращаясь к чукотской современности, следует отметить еще один феномен традиционных воззрений. Выше мы говорили о мухоморе, выступающем в качестве стимулятора творческой энергии. При этом упоминалось лишь народное сказительство. Но как оказалось, здесь же существует другой, не менее значимый, пласт искусства — изобразительного. Начало, положенное в древности на «каменных полотнах», не осталось без продолжения. Пластическое искусство нашло выражение в малой скульптурной форме и гравировке по кости. С особенной силой оно развилось в советское время, которое долго диктовало мастерам сюжетную канву, не допускавшую в искусство мотивы, «порочащие» национальную культуру, прежде всего «мухомороядение», приравненное к наркомании. Однако пришло время, и образ мухомора появился в национальной графике. Как легендарный трикстер гриб прорвался сквозь преграды и заиграл разноцветьем форм и красок в творчестве чукотской художницы Лидии Теютиной, создавшей композицию под названием «Из жизни мухоморных людей». Следуя мифологическому нарративу, люди-грибы здесь показаны в женской ипостаси. Андрей Гурин писал в комментарии к работе: «Полуобнаженные женщины-грибы с могучей грудью и красными шляпками вместо голов, крылатые оскаленные черепа и недоброе лиловое сияние в просвете низких облаков — особо впечатлительных это зрелище выводит из строя надолго». Безусловно, автором созданы образы потустороннего мира, населенного мистическими человеко-грибами.

Рис. 8. Фрагмент композиции «Из жизни мухоморных людей». Резьба по кости.
Автор Л. Теютина. Чукотка

Fig. 8. Fragment of the composition "From the life of fly agaric people". Bone carving.
Author L. Tejutina. Chukotka

Но, к удивлению, это не все. Примечательно, что проявления культа мухоморов дошли до нас не только через языческие культуры, но и от вполне цивилизованных европейцев. Красочные иллюстрации смутных архетипов, осевших в генетической памяти людей, предстали в совершенно неожиданных сценах, приуроченных к праздничным, т. е. к сакральным, событиям. В 1908 г. одним из европейских издательств, скрывшим имя под аббревиатурой В. К. W. I. вышла в свет новогодняя поздравительная открытка (с Новым 1909 г.), на которой изображены человечки-мухоморы, занятые беседой.

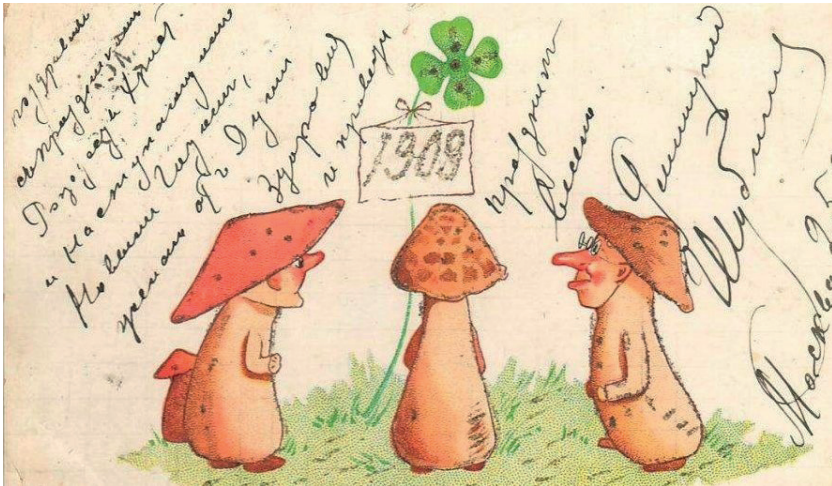

Рис. 9. Новогодняя почтовая открытка «Мухоморы». В. К. W. I. 1908 г.

Fig. 9. New Year's postcard "Fly agaric". В. К. W. I. 1908

Не менее интересно, что в 1950–1960-е гг. в СССР появилась кустарная первомайская поздравительная фотооткрытка с изображением девочки на фоне мощной ножки мухомора и текстом «Привет с 1-м маем!» (рис. 10). Любопытно, что точно так же, как и на традиционной графике, здесь присутствует женский образ, вписанный в мухомор. Как будто бы автор был знаком с мифологическим толкованием сюжета.

Ничем другим как генетической памятью древнего культа эти новейшие артефакты пока объяснить не удастся. А если это так, то древняя география культа действительно расширяется на западную часть Евразии.

Заключение

Натурфилософское мировоззрение основано на осмыслении главенствующей роли природных и сверхъестественных сил, проявляющихся во всех сферах жизни. У чукчей существует два понятия, определяющие мировое пространство со всеми его обитателями, живым и неживым предметным миром. *Н. аргынэн* — «вся окружающая землю среда», «наружное пространство», «вселенная», «дух вселенной», «природа», воспринимается как божественная сила, ведающая всеми явлениями природы, стихиями и тем, от чего зависели промыслы, оленеводство, благополучие людей. *Вагыргын* — «бытие, жизнь, божество (сверхъестественная сила)», «образ жизни, обычай» — пони-

малось как сверхъестественная сила, влияющая на социальные условия жизни людей. Гибкость религиозных представлений чукчей состояла именно в том, что они воспринимали мир и все новое именно через эти два понятия [Богораз, 2011: 217–253]. Их универсальность, многообразие и разнохарактерность сделали представления о *нарғынэн* и *вагыргын* устойчивыми, и этот мировоззренческий каркас не смогли трансформировать ни христианство, ни советская идеология. Соответственно, поведение и действия чукчей в различных сферах жизни должны восприниматься в контексте влияния на их жизнь и окружающее их пространство природных и сверхъестественных сил.

Рис. 10. Первомайская поздравительная открытка. СССР. 1950–1960-е гг.
Fig. 10. May Day greeting card. USSR. 1950–1960

Настоящая работа положила начало комплексному исследованию «мухоморной» проблемы преимущественно на современных материалах, хорошо коррелируемых со старыми источниками. Предварительный анализ показывает, что привлеченные к работе новые данные не только серьезно дополняют корпус ранее известных сведений, но и открывают еще не изученные аспекты темы. Полевые материалы, собранные А. А. Ярзуткиной в 2011–2020 гг. в чукотских селениях, содержат тонкости традиционного осмысления и использования красного мухомора, позволяющие иначе взглянуть даже на некоторые ранее изученные источники.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19–09–00268, «Этноэнциклопедия чукотской культуры».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андреева К. Н. Селькупский шаманизм в освещении Кая Доннера // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск : Аграф-Пресс, 2010. С. 90–92.

Батьянова Е. П., Бронштейн М. М. Мухомор в быту, верованиях, обрядах, искусстве народов Севера // Сибирские исторические исследования. 2016. № 1. С. 46–58.

Берсерк. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

Богораз В. Г. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь: с приложениями краткого очерка грамматики. М. : ЛИБРОКОМ, 2011. 164 с.

Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. М. : Наука, 1991. 224 с.

Богораз В. Г. Чукчи: Религия. М. : ЛИБРОКОМ, 2011. 208 с.;

Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. СПб. : Алетей, 2001. 224 с.

Бутьян В. А. Антропоморфные изображения в грибовидных головных уборах Северной, Средней и Центральной Азии // Археология Южной Сибири. Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 2003. С. 56–58.

Венстен Ш. Чукотский язык. URL: <http://charles.weinstein.free.fr/chukches/LEX/LxR.html/>

Вишневецкий М. В. Его Величество мухомор. М. : РГ-Пресс, 2021. 192 с.

Вдовин И. С. Природа и человек в религиозных воззрениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.) / отв. ред. И. С. Вдовин. Л. : Наука, 1976. С. 217–253.

Годовых Т. В., Дохнова Л. И., Тынены Т. И. Растения в этномедицине Чукотки. Магадан : ЧФ СВКНИИ ДВО РАН, 2005. 217 с.

Головнев А. В. Пегтымель // Северные Просторы. 2000. № 2–3. С. 43.

Головнёв А. В., Куканов Д. А., Перевалова Е. В. Арктика: атлас кочевых технологий. СПб. : МАЭ РАН, 2018. 352 с.

Горбачева В. В. Обряды и праздники коряков. СПб. : Наука, 2004. 152 с.

Гордеева О. В. Психологические эффекты мухомора красного (*Amanita muscaria*) // Сибирские исторические исследования. 2017. № 2. С. 152–183.

«Грибные» люди Севера. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/59390e1a7ddde8524b45d650/gribnye-liudi-severa-594a839377d0e6ce45ae7b76>

Гурвич И. С. Информация о жизни и быте коряков Корякского национального округа Камчатской области. 1957 г. // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1956–1958 годы. М. : Изд-во ИЭА РАН, 2004. С. 140–169.

Диксон О. Мистерии мухомора. Применение галлюциногенного гриба в шаманской практике. М. : Велигор, 2005. 83 с.

Дэвлет Е. Г. «Люди» и олени в наскальном искусстве Чукотки // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: к 70-летию академика

А. П. Деревянко. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 469–480.

Дэвлет Е. Г. Аналогии из западного полушария антропоморфным изображениям Пегтымея // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань : Отечество, 2014. С. 20–27.

Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. М. : Алетей, 2005. 472 с.

Дэвлет М. А. Об изображениях человечков в грибовидных головных уборах в наскальном искусстве Центральной Азии // Центральная Азия и Южная Сибирь : альманах I. М. : Пробел-2000, 2009. С. 139–149.

Кирьяк (Дикова) М. А. Древнее искусство севера Дальнего Востока как исторический источник (каменный век). Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2003. 278 с.

Кирьяк (Дикова) М. А. Загадочный мир древних граффити: по материалам поздне-неолитической стоянки Раучувагытгын I (Чукотка). Магадан : Кордис, 2012. 167 с.

Кубарев В. Д. Об одном традиционном сюжете в петроглифах Центральной Азии // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск : РИО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. С. 172–175.

Кулемзин В. Н., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск : Наука, 1992. 136 с.

Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан, 1983. 176 с.

Маслов А. Концепция здоровья в Китае // Постнаука. URL: <https://youtu.be/rM2uH7rly68>.

Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл ворона. М. : Восточная лит-ра, 1979. 229 с.

Нефёдкин А. К. Военное дело чукчей (середина XVII — начало XX в.). СПб. : Петербургское Востоковедение, 2003. 352 с.

Ожередов Ю. И. К вопросу интерпретации сцены с катафрактариями наскального памятника Хар-Хад в Западной Монголии // Religion and Infotech of Northeast Asian Nomadic People. Сеул, 2014. С. 63–70

Ожередов Ю. И., Мунхбаяр Б. Ч., Ожередова А. Ю. Граффити с воинами комплекса Хар-Хад // Эрдэм шинжилгээний бичиг № 4 (16). Улаанбаатар, 2011. С. 103–110.

Симченко Ю. Б. Обычная шаманская жизнь. Этнографические очерки // Российский этнограф: этнологический альманах. Вып. 7. М., 1993. 316 с.

Сирина А. А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М. : Восточная литература, 2012. 604 с.

Тучкова Н. А. Материальная культура // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 329–350.

Тынанкергав Г. А. Весна на Олое. СПб. : Лема, 2017. С. 51–52.

Фромм Э. Бегство от свободы. М. : Прогресс, 1990. 262 с.

Шаповалов А. В. К вопросу об использовании галлюциногенов в шаманской практике народов Северной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 2 (14). С. 139–147.

Howard D. Fabing. On Going Berserk: A Neurochemical Inquiry // *Scientific Monthly*. — 83 [Nov. 1956]. 212–236.

Lambert N. M., Gwinn A. M., Fincham F. D., & Stillman T. F. (2011). Feeling tired? How sharing positive experiences can boost vitality. *International Journal of Wellbeing*, 1 (3), 307–314.

Ryan R. M., Weinstein N., Bernstein J., Brown K. W., Mistretta L., & Gagne M. (2010). Vitalizing effects of being outdoors and in nature. *Journal of Environmental Psychology*, 30, 159–168.

Ryan R. M., Deci E. L. From Ego Depletion to Vitality: Theory and Findings Concerning the Facilitation of Energy Available to the Self // *Social and Personality Psychology Compass* / 2008 2 (2): 702–717.

REFERENCES

Andreeva K. N. Sel'kupskij shamanizm v osveshhenii Kaya Donnera [Selkup Shamanism in the Light of Kaya Donner]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskix arxeologo-e'tnograficheskix soveshhanij* [Culture as a System in Historical Context: Experience of Western Siberian Archaeological and Ethnographic Conferences]. Tomsk: Agraf-Press, 2010, pp. 90–92 (in Russian).

Batyanova E. P., Bronshtein M. M. Muxomor v by'tu, verovaniyax, obryadax, iskusstve narodov Severa [Fly Agaric in the Everyday Life, Beliefs, Rituals, and Art of the Northern Peoples]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Studies]. 2016, no. 1, pp. 46–58 (in Russian).

Bogoraz V. G. *Chukchi: Religiya* [Chukchi: Religion]. M.: LENAND, 2016, 208 p. (in Russian).

Bogoraz V. G. *Luoravetlansko-russkii (chukotsko-russkii) slovar': s prilozheniiami kratkogo ocherka grammatiki* [Luoravetlan-Russian (Chukchi-Russian) dictionary: with annexes of a short outline of grammar] M.: Knizhnyi dom "LIBROKOM", 2011, 164 p. (in Russian)

Bogoraz V. G. *Material'naya kul'tura chukchej* [Material Culture of the Chukchi]. M.: Nauka, 1991, 214 p. (in Russian).

Bongard-Levin G. M., Grantovsky E. A. *Ot Skifii do Indii Drevnie arii: mify' i istoriya* [From Scythia to India: Ancient Aryans — Myths and History]. St. Petersburg: Aleteya, 2001, 224 p. (in Russian).

Butyan V. A. *Antropomorfny'e izobrazheniya v gribovidny'x golovny'x uborax Severnoj, Srednej i Central'noj Azii* [Anthropomorphic Images in Fungus-Shaped Headgear of Northern, Central, and Central Asia]. *Arxeologiya Yuzhnoj Sibiri* [Archaeology of Southern Siberia]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2003, pp. 56–58 (in Russian).

Vdovin I. S. Priroda i chelovek v religioznyh predstavleniyah chukchej // Priroda i chelovek v religioznyh predstavleniyah narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX — nachala XX v.). L.: Nauka, 1976. pp. 217–253 (in Russian).

Vishnevsky M. V. *Ego Velichestvo muxomor* [His Majesty the Fly Agaric]. Moscow: RG-Press, 2021, 192 p. (in Russian).

Devlet E. G. Analogii iz zapadnogo polushariya antropomorfny'm izobrazheniyam Pegty'melya [Analogies from the Western Hemisphere to Anthropomorphic Images of Pegtymel]. *Trudy' IV (XX) Vserossijskogo arxeologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]. Kazan: Otechestvo, 2014, pp. 20–27 (in Russian).

Devlet E. G. “Liudi” i oleni v naskal'nom iskusstve Chukotki [“People” and deer in the rock art of Chukotka]. *Fundamental'nye problemy arkheologii, antropologii i etnografii Evrazii: K 70-letiiu akademika A. P. Derevianko* [Fundamental problems of archeology, anthropology and ethnography of Eurasia: To the 70th anniversary of academician A. P. Derevianko.]. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2013, pp. 469–480 (in Russian).

Devlet M. A. Ob izobrazheniyax chelovechkov v gribovidny'x golovny'x uborax v naskal'nom iskusstve Central'noj Azii [On the Images of Little Men in Fungus-Shaped Headgear in Rock Art of Central Asia]. *Central'naya Aziya i Yuzhnaya Sibir'. Al'manax I* [Central Asia and Southern Siberia. Almanac I]. Moscow: M. M. Probel-2000, 2009, pp. 139–149 (in Russian).

Devlet E. G., Devlet M. A. *Mify' v kamne: Mir naskal'nogo iskusstva Rossii* [Myths in Stone: The World of Rock Art in Russia]. Moscow: Aleteya, 2005, 472 p. (in Russian).

Dixon O. *Misterii muxomora. Primenenie galyucinogenного гриба v shamanskoj praktike* [Mysteries of the Fly Agaric. The Use of the Hallucinogenic Mushroom in Shamanic Practice]. Moscow: Veligor, 2005, 83 p. (in Russian).

Godovykh T. V., Dokhnova L. I., Tynenen T. I. *Rasteniya v e'tnomedicine Chukotki* [Plants in Chukotka Ethnomedicine]. Magadan: Chukotka Field Station of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2005, 217 p. (in Russian).

Golovnev A. V. Pegtymel [Pegtymel]. *Severny'e Prostory* [Northern Spaces], 2000, no. 2–3, p. 43 (in Russian).

Golovnyov A. V., Kukanov D. A., Perevalova E. V. *Arktika: atlas kochevy'x texnologij* [Arctic: Atlas of Nomadic Technologies]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, 2018, 352 p. (in Russian).

Gorbacheva V. V. *Obryady' i prazdniki koryakov* [Rituals and Holidays of the Koryaks]. St. Petersburg: Nauka, 2004, 152 p. (in Russian).

Gordeeva O. V. *Psixologicheskie e'ffekty' muxomora krasnogo (Amanita muscaria)* [Psychological Effects of the Fly Agaric (*Amanita muscaria*)]. *Siberian Historical Studies*. 2017, no. 2, pp. 152–183 (in Russian).

Gurvich I. S. Informaciya o zhizni i by'te koryakov Koryakskogo nacional'nogo okruga Kamchatskoj oblasti. 1957 g [Information about the Life and Customs of the Koryaks of the Koryak National District of the Kamchatka Region. 1957]. *E'tnologicheskaya e'kspertiza: Narody' Severa Rossii. 1956–1958 gody* [Ethnological Expertise: Peoples of the North of Russia. 1956–1958]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 2004, pp. 140–169 (in Russian).

Kir'iak (Dikova) M. A. *Drevnee iskusstvo Severa Dal'nego Vostoka kak istoricheskii istochnik (Kamennyi vek)*. [Ancient art of the North of the Far East as a historical source (Stone Age)]. Magadan: SVKNII DVO RAN, 2003, 278 p. (in Russian).

Kir'iak (Dikova) M. A. *Zagadochnyi mir drevnikh graffiti: po materialam pozdneneoliticheskoi stoianki Rauchuvagytygn I (Chukotka)*. [The mysterious world of ancient graffiti: based

on materials from the late Neolithic site of Rauchuvagytgyn I (Chukotka)] Magadan: Kordis, 2012, 167 p. (in Russian).

Kubarev V. D. Ob odnom tradicionnom syuzhete v petroglifax Central'noj Azii [On a Traditional Plot in Petroglyphs of Central Asia]. *Arxeologiya Yuzhnoj Sibiri: idei, metody, otkry'tiya* [Archaeology of Southern Siberia: Ideas, Methods, Discoveries]. Krasnoyarsk: RIO Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, 2005, pp. 172–175 (in Russian).

Kulemzin V. N., Lukina N. V. *Znakom'tes': xanty* [Meet the Khanty People]. Novosibirsk: Nauka, 1992, 136 p. (in Russian).

Lindenau Ia. I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaia polovina XVIII veka): Istorikoetnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [Description of the peoples of Siberia (first half of the 18th century): Historical and ethnographic materials on the peoples of Siberia and the North-East]. Magadan, 1983, 176 p. (in Russian).

Maslov A. *Koncepciya zdorov'ya v Kitae* [The Concept of Health in China]. *Postnauka* [Postnauka]. Available at: <https://youtu.be/pM2uH7rly68> (in Russian).

Meletinsky E. M. *Paleoaziatskij mifologicheskij e'pos. Cikl vorona* [Paleo-Asian Mythological Epic. The Raven Cycle]. Moscow: Eastern Literature, 1979, 229 p. (in Russian).

Nefedkin A. K. *Voennoe delo chukchei (seredina XVII — nachalo XX v.)*. [Military affairs of the Chukchi (mid-17th — early 20th centuries)] SPb.: “Peterburgskoe Vostokovedenie”, 2003, 352 p. (in Russian).

Ozheredov Y. I. K voprosu interpretacii sceny' s katafraktariyami naskal'nogo pamyatnika Xar-Xad v Zapadnoj Mongolii [On the Interpretation of the Scene with Cataphracts on the Rock Monument of Kharkhad in Western Mongolia]. *Religion and Infotech of Northeast Asian Nomadic People* [Religion and Infotech of Northeast Asian Nomadic People]. Seoul, 2014, pp. 63–70 (in Russian).

Ozheredov Y. I., Munkhbayar B. Ch., Ozheredova A. Yu. Graffiti s voinami kompleksa Xar-Xad [Graffiti with Warriors of the Kharkhad Complex]. *E'rde'm shinzhilge'e'nij bichig* [Erdem Shinjilgeenii Bichig]. 2011, no. 4 (16), pp. 103–110. (in Russian).

Ranavrolytn G. I. *Chukotsko-russkij slovar': tematicheskij* [Chukotka-Russian Dictionary: Thematic]. Anadyr: SVKNII DVO RAN, 2005. 312 p. (in Russian).

Simchenko Y. B. Oby'chnaya shamanskaya zhizn'. E'tnograficheskie ocherki [Ordinary Shamanic Life: Ethnographic Essays]. *E'tnologicheskij al'manax “Rossijskij e'tnograf”* [Ethnological Almanac “Russian Ethnography.”] Moscow: 1993, is 7, 316 p. (in Russian).

Sirina A. A. *E'venki i e'veny' v sovremennom mire: samosoznanie, prirodopol'zovanie, mirovozzrenie* [Evenki and Evens in the Modern World: Self-Consciousness, Nature Use, Worldview]. Moscow: Vost. Lit., 2012, 155 p. (in Russian).

Tuchkova N. A. Material'naya kul'tura [Material Culture]. *Narody' Zapadnoj Sibiri: Xanty'. Mansi. Sel'kupy'. Nency. E'ncy. Nganasany'. Kety'* [Peoples of Western Siberia: Khanty, Mansi, Selkup, Nenets, Enets, Nganasans, Ket. Moscow, 2005, pp. 329–350 (in Russian).

Tytankergav G. A. *Vesna na Oloe* [Spring on Oloy]. St. Petersburg: Lema, 2017, pp. 51–52 (in Russian).

Fromm E. *Escape from Freedom*. Moscow: Progress, 1990. 262 p. (in Russian).

Shapovalov A. V. On the Use of Hallucinogens in the Shamanic Practice of the Peoples of Northern Asia // *Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Eurasia*. 2003, No. 2 (14). pp. 139–147 (in Russian).

Wensten Sh. Chukotka Language. URL: <http://charles.weinstein.free.fr/chukches/LEX/LxR.html>

Berserk. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

“Mushroom” People of the North. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/59390e1a7ddde8524b45d650/gribnye-liudi-severa-594a839377d0e6ce45ae7b76>.

E'ncy. Nganasany'. Kety'. M., 2005. pp. 329–350 (in Russian).

Ty'nankergav G. A. Vesna na Oloe. SPb.: Lema, 2017. pp. 51–52.

Shapovalov A. V. K voprosu ob ispol'zovanii gallyucinogenov v shamanskoj praktike narodov Severnoj Azii // *Arxeologiya, e'tnografiya i antropologiya Evrazii*. 2003, № 2 (14), pp. 139–147 (in Russian).

Howard D. Fabing. On Going Berserk: A Neurochemical Inquiry. *Scientific Monthly*. 83 [Nov. 1956]. pp. 212–236 (in English).

Lambert N. M., Gwinn A. M., Fincham F. D., & Stillman T. F. (2011). Feeling tired? How sharing positive experiences can boost vitality. *International Journal of Wellbeing*, 2011, 1 (3). pp. 307–314 (in English).

Ryan R. M., Weinstein N., Bernstein J., Brown K. W., Mistretta L. & Gagne M. Vitalizing effects of being outdoors and in nature. *Journal of Environmental Psychology*. 2010, 30. pp. 159–168 (in English).

Ryan, R. M., Deci E. L. From Ego Depletion to Vitality: Theory and Findings Concerning the Facilitation of Energy Available to the Self. *Social and Personality Psychology Compass*. 2008 2 (2). pp. 702–717 (in English).

Статья поступила в редакцию: 16.08.2023

Принята к публикации: 01.11.2023

Дата публикации: 12.12.2023